
С.С. Шувалов

ЭФФЕКТИВНОСТЬ КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЫ
В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ

Москва
Институт экономики РАН
2026

Рецензенты:
д.э.н., профессор О.В. Сагинова,
к.э.н. Н.Д. Фролова

Шувалов С.С. Эффективность контрактной системы в российской экономике: методологические аспекты и эмпирические измерения: Научный доклад. — М.: ИЭ РАН, 2026. — 60 с.

ISBN 978-5-9940-0810-2

В докладе исследуются методологические и прикладные проблемы, связанные с оценкой эффективности контрактной системы закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (КС) в российской экономике. Выделены два аспекта оценки эффективности КС — внутренней (системной) и внешней. По результатам анализа эмпирических данных выделены ключевые тенденции динамики отдельных показателей эффективности КС в период с 2006 г. С помощью методов эконометрического анализа определены факторы, оказывающие наиболее значительное влияние на эффективность КС. На основе обобщения результатов исследования предложены подходы к разработке стратегии институциональной трансформации КС, основанной на принципах оптимального баланса законных интересов всех ее участников.

Ключевые слова: государственное управление, государственные закупки, контрактная система, показатели эффективности, социально-экономическая эффективность, факторы эффективности.

Классификация JEL: F01, F12, F13, F41, F52, F68.

Shuvalov S.S. The Effectiveness of the Public Procurement in the Russian Economy: Methodological Aspects and Empirical Measurements: Scientific Report. — M.: Institute of Economics RAS, 2026. — 60 p.

The report explores methodological and applied problems related to evaluating the effectiveness of the public procurement (PP) of goods, works, and services for state and municipal needs in the Russian economy. The author highlights two aspects of assessing the effectiveness of PP: the assessment of internal (organizational) effectiveness and the assessment of socio-economic efficiency, taking into account the generated external effects. Based on the analysis of empirical data, the key trends in the dynamics of the key PP performance indicators have been identified since 2006. Using the methods of econometric analysis, the factors that have the most significant impact on the effectiveness of PP have been identified. Based on the generalization of the research results, approaches to the development of a strategy for the institutional transformation of the PP based on the principles of an optimal balance of legitimate interests of all its participants are proposed.

Keywords: public administration, public procurement, government contracting, performance indicators, socio-economic efficiency, efficiency factors.

JEL Classification: F01, F12, F13, F41, F52, F68.

© Шувалов С.С., 2026
© Институт экономики РАН, 2026
© Валериус В.Е., дизайн, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Методологические подходы к оценке эффективности КС	6
Глава 2. Внутренняя (системная) эффективность КС в российской экономике	15
Глава 3. Внешняя (социально-экономическая) эффективность КС в российской экономике	31
Глава 4. Основные выводы и предложения по результатам исследования	40
Заключение	47
Литература	49
Тезаурус	54
Приложение 1. Перечень исходных факторов эффективности КС	56
Приложение 2. Описание композитных показателей (факторов) эффективности КС и весовые функции входящих в них исходных показателей (факторов)	58

ВВЕДЕНИЕ

Контрактная система закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (далее – КС) является одним из важнейших институтов государственного управления как в России, так и во многих других странах. Важность этого института обусловлена, в частности, его масштабами: через КС перераспределяется около 10% ВВП России и около половины всех расходов консолидированного бюджета¹. Следовательно, эффективность функционирования КС в значительной степени определяет эффективность обеспечения государственных и муниципальных нужд в товарах, работах и услугах и эффективность существенной части государственных (бюджетных) расходов.

Согласно позиции Счетной палаты РФ, основной целью госзакупок является обеспечение выполнения в полном объеме основных функций государства путем приобретения товаров, работ и услуг, в результате чего эффективность данной системы влияет на таковую государственного управления в целом². В данном контексте эффективность госзакупок может рассматриваться в качестве одного из важнейших индикаторов эффективности всей системы государственного управления.

Система госзакупок в России в течение двух последних десятилетий является одной из приоритетных сфер институциональных изменений и находится в процессе постоянной трансформации, цель которой заключается в повышении их эффективности. В этой связи разработка методологических подходов и критериев оценки эффек-

1. Расчеты автора по данным Росстата и ЕИС в сфере закупок.

2. Методы оценки эффективности государственных закупок. <https://clck.ru/3TArma>

тивности контрактной системы является одной из чрезвычайно актуальных задач для анализа результативности расходования бюджетных средств, выделяемых на закупку товаров, работ и услуг, и в контексте реализации нового этапа институциональных реформ.

Однако на сегодняшний день в нашей стране регуляторами и исследователями она обычно трактуется достаточно узко, ее оценка, как правило, сводится к анализу ограниченного набора показателей и индикаторов, характеризующих внутреннюю эффективность. При этом вопросы оценки генерируемых КС внешних эффектов и ее вклада в достижение целей социально-экономического развития не рассматриваются. В российской научной и экспертной литературе ограничен круг работ, посвященных комплексной оценке эффективности отечественной КС и выявлению влияющих на нее факторов. Значительная часть имеющихся исследований основана на качественном, логическом и экспертном анализе, оценке соответствия значений отдельных показателей эффективности нормативно установленным значениям. При применении методов корреляционного и регрессионного анализа используется крайне ограниченный набор показателей и факторов эффективности действующей российской КС (Balaeva et al., 2021; Тихомиров и др., 2022).

Целью настоящего исследования является анализ эффективности российской КС с точки зрения показателей ее внутренней эффективности и величины генерируемых ей мультипликативных эффектов в национальной экономике на основе эмпирических данных за период с 2006 по 2024 гг. и выявление с помощью методов корреляционного, факторного и регрессионного анализа комплекса факторов, оказывающих наибольшее влияние на динамику ее ключевых показателей.

Проведенное исследование базируется на официальной статистике Росстата, отчетах Минфина России о результатах мониторинга контрактной системы закупок, данных ЕИС в сфере закупок и других государственных информационных систем.

Представленный научный доклад подготовлен в рамках выполнения темы государственного задания «Трансформация и развитие институтов государственного управления в новых социально-экономических условиях» (регистрационный номер НИОКТР – 124020100125-4).

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ КС

Несмотря на то, что в большинстве источников понятие эффективности концептуально связано со степенью достижения положительного результата (в некоторых, но не во всех — с учетом объема затраченных ресурсов), единого и универсального ее определения не существует. В то же время данное понятие и методы оценки эффективности в различных сферах жизнедеятельности тесно связаны с особенностями их функционирования, а также с определенными ожиданиями их развития, в том числе со стороны общества, регуляторов и исследователей (Архиреев, 2023). То есть подходы к оценке эффективности той или иной сферы жизнедеятельности, включая институты государственного управления, неразрывно связаны с целеполаганием (определением ключевых целей и задач деятельности, реформирования и развития института), которое в свою очередь влияет на выбор критериев и показателей эффективности и методов ее оценки.

В этой связи представляет интерес обзор существующих методологических подходов к оценке эффективности КС, применяемых зарубежными и отечественными органами власти и международными организациями (нормативных подходов) и исследователями (исследовательских подходов).

В данном докладе в соответствии с общепринятым подходом понятия «показатель эффективности» и «фактор эффективности» трактуются следующим образом.

Под показателем эффективности понимается измеримая характеристика объекта, которая используется для оценки его состояния или изменения с учетом ключевых целей и задач его создания, функционирования и (или) изменения (трансформации, реформирования) и служит основой для анализа, в том числе сравнительного, и принятия управленческих решений.

Под фактором эффективности понимается явление, воздействующее на объект или процесс его трансформации и являющееся причиной или движущей силой изменения его состояния, в том числе выражаемого через показатели эффективности.

Отметим, что различие между этими понятиями часто бывает условным, поскольку на практике многие показатели рассматриваются в качестве факторов по отношению к показателям более высокого порядка.

Обзор нормативных подходов

В странах ОЭСР оценка эффективности госзакупок осуществляется на основе Рекомендаций (Рамочных принципов) Совета ОЭСР по вопросам государственных закупок³, которые включают более 250 показателей, объединенных в три категории. К ним относятся показатели:

- соответствия (комплаенса), характеризующие требования к публичности и прозрачности, контролю и аудиту, добросовестности и подотчетности, санкции по отношению к недобросовестным поставщикам, частоту и результаты досудебных и судебных споров, наличие и регулярность задержек платежей;
- эффективности, определяющие экономию бюджетных средств и времени, степень интеграции рыночных принципов, инструментов и процедур в процесс госзакупок, среднюю продолжительность закупочных процедур;
- стратегические показатели, обуславливающие влияние системы закупок на внешнюю среду, в том числе на смягчение последствий изменения климата, инновационное

3. Методы оценки эффективности государственных закупок. <https://clck.ru/3TArma>

развитие, создание рабочих мест, социальные аспекты устойчивого развития, развитие МСП.

На уровне ОЭСР также разработана и применяется методология оценки систем госзакупок MAPS (Methodology for Assessing Procurement Systems)⁴. Она проводится Секретариатом MAPS (структурой ОЭСР) по запросу государства-участника и предусматривает оценку системы закупок по четырем направлениям:

- законодательное и нормативное регулирование (соответствие национального законодательства международным стандартам);
- институциональная основа и качество управления (эффективность системы госзакупок с точки зрения обеспечения целей и задач, установленных национальным законодательством);
- закупочная деятельность и рыночная практика (эффективность системы госзакупок на уровне ведомств и органов, непосредственно занимающихся закупками);
- целостность и прозрачность закупочной системы (контролируемость закупочного процесса и эффективность мер по предотвращению коррупции).

В актуальном издании ОЭСР, посвященном оценке эффективности правительств, в качестве ключевых показателей эффективности закупок выделяются прозрачность, конкурентность, экономия бюджетных средств и скорость обеспечения потребностей, а также интеграция в систему закупок и степень достижения через нее целей устойчивого развития, прежде всего — экологических (OECD, 2025).

В Европейском союзе оценка и сравнение национальных систем госзакупок проводится Европейской комиссией⁵ на основании 12 показателей, характеризующих следующие аспекты их функционирования:

- публичность, открытость и конкурентность, в том числе с точки зрения участия субъектов МСП;
- долю совместных и централизованных закупок;
- уровень и качество цифровизации;

4. OECD MAPS Initiative. <https://www.mapsinitiative.org>

5. Методы оценки эффективности государственных закупок. <https://clck.ru/3TArma>

- качество закупочной документации и адекватность оценочных критериев.

Отметим, что принципы и показатели оценки, разработанные и применяемые ОЭСР, значительно шире таковых Европейской комиссии и охватывают стадию не только контрактации, но и постконтрактации (исполнения государственных контрактов), а кроме того, экологические, социальные, инновационные и иные «внешние» эффекты госзакупок. Вместе с тем оценка системы закупок по методологии ОЭСР является достаточно трудоемкой, поскольку опирается на большое число показателей, не рассчитываемых на регулярной основе национальными статистическими службами и требующих больших массивов первичной информации и (или) экспертных заключений. По этой причине оценка эффективности национальных систем госзакупок по методологии ОЭСР требует формирования специальных рабочих групп и не осуществляется на регулярной основе.

Также достаточно распространенной зарубежной практикой, в том числе при планировании мер бюджетного и фискального стимулирования, является оценка мультипликатора госзакупок и его сравнение с мультипликаторами других компонентов совокупных государственных расходов (Чернявский, 2012).

В качестве факторов, влияющих на эффективность КС, в исследовании ОЭСР рассматриваются профессионализация сферы закупок, ее цифровизация и интеграция с государственными информационными системами, а также наличие структуры для централизованной закупки стандартизированной продукции массового производства в интересах обеспечения потребностей государственных и муниципальных органов и организаций общественного сектора (OECD, 2025).

В 44-ФЗ, базовом законе, регламентирующем функционирование российской КС, в ст. 6 в числе ключевых отмечен принцип эффективности осуществления закупок, однако содержательно данное понятие не раскрывается ни в тексте самого закона, ни в тексте подзаконных актов. Тем не менее на уровне федеральных ведомств и субъектов Федерации нормативными актами установлены показатели эффективности КС, количество и содержание которых различаются.

Количество показателей эффективности КС, предусмотренных нормативными актами федеральных ведомств находится в диапазоне от одного до восьми, а наиболее распространенными из них являются следующие (Климанова, 2023):

- экономия бюджетных средств;
- среднее количество заявок в расчете на 1 лот;
- доля контрактов, исполненных с нарушениями;
- доля обоснованных фактов обжалования действий заказчика;
- доля контрактов, заключенных по итогам конкурентных процедур.

На уровне субъектов Федерации в качестве показателей эффективности КС наиболее часто используются критерии соблюдения законодательства, экономичности, плановости и обоснованности закупок (Кремповая, 2017).

Также во многих государствах, включая Россию, важную роль в объективной оценке эффективности системы госзакупок играет ее аудит (включая аудит заключения и исполнения отдельных контрактов), осуществляемый высшим органом аудита на основе принципов и подходов Международной ассоциации высших органов аудита (ИНТОСАИ). В нашей стране его осуществляет Счетная палата РФ в соответствии со Стандартом внешнего государственного аудита (контроля) «СГА 302. Стандарт внешнего государственного аудита (контроля). Аудит в сфере закупок товаров, работ и услуг, осуществляемых объектами аудита (контроля)», утвержденного протоколом Коллегии Счетной палаты РФ от 21 апреля 2016 г. № 17К (1092).

В соответствии с указанным стандартом Счетная палата РФ осуществляет экспертно-аналитическую, контрольную, информационную и иную деятельность посредством проверки, анализа и оценки информации о законности, целесообразности, обоснованности, своевременности, эффективности и результативности расходов на закупки по планируемым к заключению, заключенным и исполненным контрактам; в процессе проведения аудита в сфере закупок оценке подлежат в том числе выполнение условий контрактов по срокам, объему, цене, количеству и качеству приобретаемых товаров, работ, услуг, а также порядок ценообразования и эффективность системы управления контрактами.

Согласно методическим рекомендациям по проведению аудита в сфере закупок, утвержденным протоколом Коллегии Счетной палаты РФ от 21 марта 2014 г. № 15К (691), эффективными расходами на осуществление закупки считаются те, которые обеспечивают лучшие условия исполнения контракта с соблюдением всех критериев, указанных в документации о закупке, с одновременным достижением запланированных целей закупки.

Обзор исследовательских подходов

При изучении проблем эффективности КС большинство исследователей опираются на определения и показатели, используемые регуляторами и (или) предусмотренные национальными или международными нормативными актами и методическими рекомендациями (*Kumar et al.*, 2015; *Balaeva et al.*, 2021).

В современных зарубежных исследованиях наиболее часто принимаются во внимание показатели, которые характеризуют следующие аспекты эффективности КС: прозрачность и подотчетность; обеспечение равного доступа и справедливых условий; уровень конкуренции; уровень цифровизации; уровень коррупции и наличие конфликта интересов; результативность закупочных процедур, обеспечение оптимального соотношения цены и качества; экономическую эффективность государственных расходов; экологическую ответственность, содействие защите окружающей среды, достижению целей устойчивого развития, включая повышение энергоэффективности (*Dekel*, 2008; *Galvez-Rodrigues et al.*, 2024; *Talpig*, 2024).

Российскими исследователями принимаются во внимание показатели, которые характеризуют:

- открытость и конкурентность, в том числе с точки зрения участия субъектов МСП (*Дегтев и др.*, 2017; *Жигас и др.*, 2024; *Подосинников и др.*, 2017; *Пономарев*, 2023; *Саламатова, Мельников*, 2021; *Rogulenko et al.*, 2023);
- уровень и качество цифровизации (*Дегтев и др.*, 2017; *Жигас и др.*, 2024);
- профессионализм заказчиков и качество планирования (*Жигас и др.*, 2024; *Подосинников и др.*, 2017; *Пономарев*, 2023; *Саламатова, Мельников*, 2021; *Rogulenko et al.*, 2023);

- качество регулирования и правоприменительной практики (Дегтев и др., 2017; Подосинников и др., 2017; Пономарев, 2023; Саламатова, Мельников, 2021; Rogulenko et al., 2023);
- экономию бюджетных средств (Дегтев и др., 2017; Жигас и др., 2024; Саламатова, Мельников, 2021; Rogulenko et al., 2023);
- результативность закупочных процедур и контрактную дисциплину (Дегтев и др., 2017; Жигас и др., 2024; Подосинников и др., 2017; Пономарев, 2023; Саламатова, Мельников, 2021; Rogulenko et al., 2023);
- степень и качество обеспечения общественных потребностей, использование результатов закупки в деятельности заказчика (Дегтев и др., 2017; Пономарев, 2023);
- содействие инновационному развитию страны (Шувалов, 2014);
- величину мультипликативных эффектов, генерируемых КС в национальной экономике (Смотрицкая, 2014).

Таким образом, при оценке эффективности КС зарубежными и российскими исследователями наиболее часто рассматриваются показатели, отражающие публичность, открытость и конкурентность закупок, уровень и качество цифровизации КС, качество правоприменительной практики и уровень коррупции, результативность закупок. Вместе с тем при оценке эффективности расходования бюджетных средств зарубежные исследователи делают акцент на оптимальном соотношении цены и качества закупаемых товаров, работ и услуг, в то время как российские чаще принимают во внимание показатель экономии бюджетных средств (снижения цены во время торгов). В российских исследованиях не принимаются во внимание такие аспекты эффективности КС, как макроэкономическая эффективность государственных расходов, содействие защите окружающей среды и достижению целей устойчивого развития.

Особо следует отметить, что многие *показатели эффективности* КС рассматриваются исследователями одновременно и в качестве *факторов, влияющих на нее*, что связано, по их мнению, с наличием содержательных и логических взаимосвязей между соответствующими ее показателями и их взаимного влияния друг на друга.

Так, открытость и конкурентность закупок рассматриваются в качестве и самостоятельных показателей эффективности КС, и факторов, влияющих на результативность закупочных процедур и экономию бюджетных средств.

Цифровизация — и как самостоятельный показатель эффективности КС, и как фактор, влияющий на большинство других ее показателей (открытость, конкурентность, результативность закупочных процедур, экономию бюджетных средств, контрактную дисциплину). Профессионализм заказчиков — и как самостоятельный показатель эффективности КС, и как фактор, влияющий на результативность закупочных процедур, контрактную дисциплину, степень и качество обеспечения государственных и муниципальных нужд.

В зарубежных и российских исследованиях наиболее часто рассматриваются следующие группы факторов, влияющих на эффективность КС:

- публичность, открытость и конкурентность, в том числе с точки зрения участия субъектов МСП (*Talpig, 2024; Tatrai et al., 2024*);
- регуляторные и финансовые ограничения конкуренции (*Беленкова, 2025; Горохова, 2020; Смотрицкая и др., 2016*);
- уровень и качество цифровизации (*Okinyi, Muturi, 2016; Patrucco et al., 2020; Talpig, 2024; Tatrai et al., 2024; Асанбекова, 2023; Беленкова, 2025; Трофимовская, Вершинина, 2022*);
- качество регулирования, в том числе в части возможности выбора адекватных закупочных процедур и оценочных критериев, и его стабильность (*Cebekhulu et al., 2023; Tatrai et al., 2024; Краснова, 2021; Смотрицкая, Шувалов, 2024; Яковлев и др., 2020*);
- профессионализм заказчиков, качество планирования закупок и управления контрактами (*Cebekhulu et al., 2023; Okinyi, Muturi, 2016*);
- адекватность условий контрактов (*Tatrai et al., 2024*);
- качество правоприменительной практики, уровень коррупции и наличие конфликта интересов (*Cebekhulu et al., 2023; Talpig et al., 2024; Tatrai et al., 2024*);

- экономическая и политическая турбулентность, санкционные ограничения (*Смотрицкая, Шувалов, 2024*).

При оценке и анализе эффективности КС отечественными и зарубежными исследователями используются разнообразные методы, в том числе логического и экспертного анализа, оценка и анализ динамики значений показателей, оценка соответствия фактических значений показателей эффективности нормативно установленным или определенным экспертами в качестве желательных или приемлемых, реже применяются методы кластерного анализа, контент-анализа, корреляционного и регрессионного анализа.

В качестве источника данных для анализа исследователи используют тексты нормативных актов, официальные статистические данные, первичную (документация о закупках, тексты контрактов, административных и судебных решений и пр.) и агрегированную информацию из специализированных информационных систем; некоторые из них (*Яковлев и др., 2020; Balaeva et al., 2021*) — результаты социологических опросов заказчиков и поставщиков.

* * *

Обобщая результаты проведенного исследования современных зарубежных и отечественных методологических подходов, предлагается выделить два ключевых аспекта оценки эффективности КС — *внутренней* и *внешней*.

Под *внутренней (системной)* предлагается понимать ее эффективность как института обеспечения государственных и муниципальных нужд в товарах, работах и услугах, а также эффективного освоения бюджетных средств.

Под *внешней (социально-экономической)* — ее эффективность с точки зрения содействия достижению целей социально-экономического развития, в том числе макроэкономической и структурной политики, обеспечения экономического роста, развития МСП, инноваций, защиты окружающей среды.

ВНУТРЕННЯЯ (СИСТЕМНАЯ) ЭФФЕКТИВНОСТЬ КС В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

Исследуемые показатели внутренней эффективности

Исходя из результатов обзора существующих методологических подходов и с учетом доступности соответствующих эмпирических данных за рассматриваемый период, для проведения исследования были выбраны следующие показатели внутренней эффективности КС:

- среднее количество заявок в расчете на 1 лот (П1);
- доля состоявшихся закупок в общем количестве проведенных закупок (П2);
- экономия бюджетных средств (П3);
- доля исполненных контрактов в общем количестве заключенных контрактов (П4);
- доля исполненных контрактов в общей стоимости заключенных контрактов (П5).

Показатель «Среднее количество заявок в расчете на 1 лот» (П1) представляет собой результат деления общего количества заявок, поданных участниками конкурентных закупок, на общее количество лотов в рамках проведенных закупок. Показатель П1 характеризует конкурентность КС, ее открытость и привлекательность для потенциальных участников закупок, доверие к КС со стороны потенциальных участников. Высокое значение показателя П1 может свидетельствовать о привлекательности КС для потенциальных участников и относительно высокой степени доверия к ней с их стороны; низкое значение — о недостаточно высокой (например,

из-за сложности процедур участия в закупках или непривлекательности предлагаемых условий контрактов, наличия у потенциальных участников мнения о недостаточной прозрачности и объективности принятия заказчиками решений о выборе победителя).

Показатель «Доля состоявшихся закупок в общем количестве проведенных закупок» (П2) — результат деления количества проведенных закупок, по результатам которых был заключен контракт, на общее количество проведенных закупок. Он характеризует качество планирования в рамках КС, ее привлекательность для потенциальных участников закупок, доверие к ней с их стороны. Высокое значение показателя П2 может свидетельствовать о таком же качестве планирования и привлекательности КС для участников закупок; низкое — может быть связано с его неудовлетворительным состоянием (например, при установлении НМЦК или критериев выбора победителя, заведомо неприемлемых для потенциальных участников и обуславливающих низкую активность их участия в закупках).

Некачественно разработанные и (или) неприемлемые условия государственных и муниципальных контрактов отмечаются достаточно большим количеством потенциальных участников закупок в качестве фактора, снижающего их интерес к участию в закупках (Смотрицкая, 2011; Тихомиров и др., 2022).

Показатель «Экономия бюджетных средств» (П3) представляет собой частное от деления разности между суммой НМЦК объявленных лотов в рамках конкурентных закупок и суммой фактических цен заключенных контрактов по их итогам на сумму НМЦК объявленных лотов в рамках данных закупок. Показатель П3 характеризует бюджетную эффективность КС, выраженную через величину экономии бюджетных средств в результате проведения конкурентных закупочных процедур и заключения контрактов по более низким ценам относительно изначально объявленных НМЦК. Высокое значение показателя П3 может свидетельствовать о высокой бюджетной эффективности КС.

Показатели «Доля исполненных контрактов в общем количестве заключенных контрактов» (П4) и «Доля исполненных контрактов в общей стоимости заключенных контрактов» (П5) косвенно характеризуют качество процедур и решений по выбору победителей закупок.

Показатель П4 является результатом деления количества исполненных (нерасторгнутых) контрактов из числа заключенных в отчетном периоде на общее количество контрактов, заключенных в отчетном периоде.

Показатель П5 — это результат деления общей стоимости исполненных (нерасторгнутых) контрактов из числа заключенных в отчетном периоде на общую стоимость всех контрактов, заключенных в отчетном периоде.

Высокие значения показателей П4 и П5 могут свидетельствовать о хорошем качестве процедур и решений по выбору победителей закупок, обеспечивающих стабильность функционирования КС, своевременность и бесперебойность обеспечения государственных и муниципальных нужд: стороны придерживаются контрактных обязательств, контракты не расторгаются, потребность в повторном проведении закупок отсутствует. Низкие значения — о недостаточном высоком их качестве, что создает высокие риски нарушения контрактных обязательств поставщиками (исполнителями, подрядчиками) и связанные с ними риски роста издержек заказчиков, включая судебные издержки и расходы на повторное проведение закупок.

Низкие значения показателей П4 и П5 также могут сигнализировать о наличии рисков перебоев в обеспечении государственных и муниципальных нужд, в том числе с негативными социальными последствиями (например, если речь идет о задержках поставок лекарственных средств или расходных материалов в медицинские учреждения). Они также могут свидетельствовать и о недостаточной гибкости КС, выражающейся в отсутствии у заказчика права корректировки условий контракта при значительном изменении макроэкономических, политических и иных внешних обстоятельств, в результате он вынужден расторгать контракт с добросовестным контрагентом и проводить повторную закупку.

Таким образом, показатели П2, П4 и П5 характеризуют такой аспект эффективности КС, как ее результативность, т. е. полноту и своевременность закупок, которые в свою очередь в значительной степени определяют качество обеспечения общественных потребностей, выраженных через государственные и муниципальные нужды.

Рассмотрим динамику перечисленных показателей начиная с 2006 г., выделив ряд ключевых этапов развития как самой КС и ее регулирования, так и внешнего окружения (макроэкономического и внешнеполитического) (см. табл. 1).

Таблица 1. Динамика показателей внутренней эффективности КС в контексте макроэкономических, внешнеполитических и регуляторных изменений (в среднем за период)

Показатель	Первый этап (2006–2013)	Второй этап (2014–2021)	Третий этап (2022–2024)
П1 – Среднее количество заявок в расчете на 1 лот (шт.)	5,32	3,02	2,68
П2 – Доля состоявшихся закупок в общем количестве проведенных закупок (%)	88,77	85,14	85,93
П3 – Экономия бюджетных средств (%)	7,81	8,16	5,87
П4 – Доля исполненных контрактов в общем количестве заключенных контрактов (%)	98,71	90,34	90,77
П5 – Доля исполненных контрактов в общей стоимости заключенных контрактов (%)	98,69	92,63	93,85

Рассчитано по: Мониторинг закупок. <https://minfin.gov.ru/ru/performance/contracts/purchases/>; Показатели закупочной деятельности. <https://rosstat.gov.ru/folder/11191>; Статистика. <https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html>

Первый этап (2006–2013 гг.) характеризовался развитием КС в рамках Федерального закона 94-ФЗ, предметом регулирования которого являлась практически только стадия размещения заказов (выбора поставщика, исполнителя, подрядчика), а также в целом благоприятным внешнеполитическим и макроэкономическим фоном. На данный период пришлись пятидневная война в Грузии 2008 г. и мировой экономический кризис 2008–2009 гг., однако указанные события не оказали системного и долгосрочного влияния (по сравнению с последующими периодами) на российскую экономику и внешнюю политику. Кроме того, на протяжении всего рассматриваемого периода сохранялась стратегическая установка на открытость российской экономики и ее интеграцию в мировую экономику, протекционистские меры в системе госзакупок на системной основе не применялись.

Второй этап (2014–2021 гг.) характеризовался целым рядом важнейших событий: вступлением в силу нового базового закона (44-ФЗ вместо 94-ФЗ), ознаменовавшим переход к законодатель-

ному регулированию всех стадий закупочного цикла (от планирования закупок до исполнения контрактов), «Крымской весны» и началом санкционного давления на российскую экономику (в данной работе это условно обозначено как первый этап санкционного давления), сменой парадигмы развития КС — если ранее она рассматривалась почти исключительно как инструмент обеспечения государственных и муниципальных нужд конкретными товарами, работами и услугами в максимально сжатые сроки и по максимально низкой цене, то в данный период происходит качественный сдвиг к более широкому и комплексному ее пониманию как института публичного управления и государственного регулирования. Именно в течение данного периода в рамках КС на системной основе начинают внедряться и применяться запреты и ограничения на закупки отдельных видов импортной продукции, а также ценовые и иные преференции для российских поставщиков, МСП и СОНКО, поставщиков, являющихся стороной СПИК, у заказчиков появляется право заключать с поставщиками контракты со встречными инвестиционными обязательствами (офсетные контракты) (Шувалов, 2023).

В контексте внедрения в КС протекционистских мер необходимо отметить, что в течение рассматриваемого этапа были приняты восемь постановлений Правительства России и приказ Минфина России, которыми были установлены запреты и ограничения на закупки отдельных видов продукции иностранного происхождения (включая медицинские изделия, программное обеспечение, лекарственные препараты из ЖНВЛП, пищевую продукцию, радиоэлектронную), а также ценовые преференции для поставщиков российской продукции и минимальная обязательная доля российской продукции в общем объеме закупок.

Третий этап (с 2022 г. по настоящее время) характеризуется развитием российской экономики и КС в условиях СВО и радикального усиления санкционного давления (в данной работе это условно обозначено как второй этап санкционного давления), ухода с российского рынка многих зарубежных компаний и брендов, значительного изменения валютного курса и связанного с ним удорожания импорта, дальнейшего развития протекционизма на российском рынке госзакупок.

В рамках дальнейшего развития протекционизма на данном этапе 1 января 2025 г. вступило в силу Постановление Правительства РФ от 23 декабря 2024 г. № 1875 — нормативный акт, комплексно регулирующий большинство аспектов применения национального режима в сфере закупок, включая запреты, ограничения, условия допуска и преференции.

Со вступлением в силу указанного Постановления значительно расширен перечень видов иностранных товаров, в отношении которых введены запреты на закупку, ограничения на нее, запрещена закупка иностранной продукции у единственного поставщика, ранее действовавшее правило «третий лишний» заменено на правило «второй лишний», ценовые преференции распространены на все российские товары, запрещена замена российского товара на иностранный аналог в процессе исполнения контракта.

Также с учетом высокой значимости, которая придается отечественными и зарубежными регуляторами, экспертами и исследователями вопросам цифровизации КС, были выделены три этапа ее развития. Динамика показателей внутренней эффективности КС в контексте ее цифровизации представлена в табл. 2.

Таблица 2 — Динамика показателей внутренней эффективности КС в контексте ее цифровизации (в среднем за период)

Показатель	Первый этап (2006–2010)	Второй этап (2011–2017)	Третий этап (2018–2024)
П1 — Среднее количество заявок в расчете на 1 лот (шт.)	5,78	3,62	2,93
П2 — Доля состоявшихся закупок в общем количестве проведенных закупок (%)	90,88	91,16	90,14
П3 — Экономия бюджетных средств (%)	7,89	6,88	6,76
П4 — Доля исполненных контрактов в общем количестве заключенных контрактов (%)	99,07	98,79	98,53
П5 — Доля исполненных контрактов в общей стоимости заключенных контрактов (%)	98,95	98,73	98,51

Рассчитано по: Мониторинг закупок. <https://minfin.gov.ru/ru/performance/contracts/purchases>); Показатели закупочной деятельности. <https://rosstat.gov.ru/folder/11191>; Статистика. <https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html>

Первый этап (2006–2010 гг.) характеризовался низким уровнем цифровизации КС. На данном этапе в соответствии с требованиями Федерального закона №94-ФЗ был создан и функционировал

портал госзакупок, однако до 2011 г. размещение информации на нем было обязательным лишь для федеральных заказчиков. Возможность проведения закупок в электронной форме, в том числе через ЭТП, законодательно была предусмотрена, но недостаточно регламентирована и обеспечена техническими средствами и компетенциями сторон закупочного процесса, в связи с чем преобладали «бумажные» способы закупки.

Второй этап (2011–2017 гг.) характеризовался средним уровнем цифровизации КС. С 2011 г. появляется обязанность всех государственных и муниципальных заказчиков размещать информацию о планируемых закупках на соответствующем портале (с 2016 г. — в ЕИС в сфере закупок), начинает функционировать единый электронный реестр заключенных государственных и муниципальных контрактов, совершенствуется регламентация проведения закупок в электронной форме, использования соответствующих технических средств, функционирования ЭТП и деятельности на них государственных и муниципальных заказчиков, использование ЭТП государственными и муниципальными заказчиками постепенно расширяется и выходит на системную основу. Вместе с тем в рамках данного периода использование цифровых технологий рассматривалось как право, но не обязанность заказчика, возможности проведения «бумажных» закупочных процедур сохранялись, и ими продолжали пользоваться заказчики.

Третий этап (с 2018 г. по настоящее время) характеризуется высоким уровнем цифровизации КС. С 2018 г. большинство юридически значимых документов и действий сторон закупочного процесса переведено в электронную форму, использование цифровых технологий стало обязательным для всех участников закупочного процесса, все закупочные процедуры (за исключением отдельных случаев закупки у единственного поставщика) переведены в электронную форму, практически для всех заказчиков и участников закупок стало обязательным использование ЭЦП (УКЭП). Также с 2018 г. предусмотрено использование участниками закупок специальных счетов для внесения обеспечения исполнения контракта при участии в закупках в электронной форме, осуществляется ведение ЕРУЗ, функционирует ЕАТ для осуществления в электронной форме закупок малого объема (без проведения торгов). Кроме того, в тече-

ние рассматриваемого периода произошло значительное расширение и совершенствование функционала ЭТП (в том числе аналитического) и регламентации различных аспектов, включая финансовые взаимодействия ЭТП с заказчиками и участниками закупок.

Предполагаемые факторы внутренней эффективности

Исходя из результатов обзора существующих исследований относительно факторов внутренней эффективности КС и с учетом доступности соответствующих эмпирических данных за рассматриваемый период были отобраны 30 предполагаемых факторов, которые по своему содержательному наполнению распределяются по следующим семи блокам:

- цифровизация (7 факторов);
- разнообразие способов закупки (5 факторов);
- распространение электронных аукционов (4 фактора);
- нестабильность регулирования (2 фактора);
- поддержка МСП и СОНКО (2 фактора);
- протекционизм (4 фактора);
- внешняя турбулентность (6 факторов).

Полный перечень предполагаемых исходных факторов эффективности КС представлен в Прил. 1.

Методы и инструментарий анализа

Для оценки влияния выделенных факторов на исследуемые показатели внутренней эффективности КС были использованы методы корреляционного, факторного и регрессионного анализа.

На первом этапе для первичной проверки гипотезы о наличии влияния выделенных факторов на исследуемые показатели внутренней эффективности была построена матрица парных корреляций между всеми показателями и всеми факторами. В соответствии с полученными результатами корреляционного анализа показатель эффективности П2 («Доля состоявшихся закупок в общем количестве проведенных закупок») за рассматриваемый период не обнаружил высокой и статистически значимой корреляции ни с одним из предполагаемых факторов, а 7 из 30 предполагаемых факторов не обнаружили высокой и статистически значимой корреляции ни

с одним из выбранных показателей эффективности; эти показатель и факторы были исключены из дальнейшего рассмотрения в рамках исследования.

На втором этапе с учетом результатов корреляционного анализа и в рамках подготовки к регрессионному анализу, в том числе для снижения количества включаемых в модель регрессоров, необходимого в силу относительной ограниченности периода наблюдений (годовые данные за 19 лет), в результате проведения факторного анализа с применением МГК (*Hotelling*, 1933а, б; *Наследов*, 2011):

- с учетом того обстоятельства, что показатели П4 и П5 логически и статистически связаны, извлечен композитный показатель «Контрактная дисциплина» (КП), отражающий долю исполненных контрактов как в общем количестве, так и в общей стоимости контрактов, заключенных в соответствующем году;
- извлечены композитные факторы, предположительно влияющие на динамику показателей П1 («Среднее количество заявок в расчете на 1 лот») и КП («Контрактная дисциплина»).

Для показателя П1 были извлечены четыре композитных фактора:

- «Цифровизация» (КФ1_П1);
- «Разнообразие способов закупки» (КФ2_П1);
- «Протекционизм» (КФ3_П1);
- «Внешняя турбулентность» (КФ4_П1).

Для показателя КП — четыре композитных фактора:

- «Цифровизация» (КФ1_КП);
- «Разнообразие способов закупки» (КФ2_КП);
- «Протекционизм» (КФ3_КП);
- «Валютный курс» (КФ4_КП).

Весовые функции для исходных показателей (факторов) извлеченных композитного показателя и композитных факторов представлены в Прил. 2.

На третьем этапе был проведен корреляционный анализ для оценки величины и значимости взаимосвязи между показателями эффективности, для которых были извлечены композитные факторы, и самими композитными факторами.

Результаты корреляционного анализа для показателя КП показали наличие высокой и статистически значимой положительной корреляции с композитным фактором КФ2_КП и отрицательной корреляции с композитными факторами КФ1_КП, КФ3_КП и КФ4_КП.

Для показателя КП — наличие высокой и статистически значимой положительной корреляции с композитным фактором КФ2_КП и отрицательной корреляции с КФ1_КП, КФ3_КП и КФ4_КП.

Также для проверки гипотезы о возможной корреляции показателей внутренней эффективности КС между собой для них тоже была построена матрица парных корреляций. В соответствии с полученными результатами корреляционного анализа большинство показателей внутренней эффективности КС не коррелированы между собой, при этом два показателя — П1 («Среднее количество заявок в расчете на 1 лот») и КП («Контрактная дисциплина») — демонстрируют высокую и значимую положительную корреляцию.

Положительная корреляция между показателями П1 и КП выглядит логичной, если исходить из предположения, что в условиях более высокой конкурентности закупок (большого числа заявок от участников закупок) заказчик имеет больше возможностей для выбора наилучшего поставщика (исполнителя, подрядчика), в том числе с точки зрения его надежности. В этой связи при проведении регрессионного анализа показатель П1 был включен наряду с рассмотренными выше факторами эффективности в качестве одного из регрессоров в регрессионную модель с зависимой переменной КП.

На заключительном этапе в целях выделения наиболее значимых факторов, влияющих на внутреннюю эффективность КС, с учетом полученных результатов корреляционного и факторного анализа были построены линейные регрессионные модели для трех показателей внутренней эффективности в качестве зависимой переменной:

- П1 («Среднее количество заявок в расчете на 1 лот»);
- П3 («Экономия бюджетных средств»);
- КП («Контрактная дисциплина»).

Построенные регрессионные модели были протестированы на отсутствие автокорреляции остатков при помощи теста Дарбина—Уотсона и визуального анализа графика остатков.

Эмпирическая база исследования

Эмпирическая база исследования сформирована на основе статистических данных и материалов Росстата в части показателей закупочной деятельности (в период с 2006 по 2013 гг.)⁶ и инфляции⁷, Минфина России⁸, ЕИС в сфере закупок⁹, Банка России¹⁰, справочной правовой системы «КонсультантПлюс»¹¹, ГИСП¹², портала «Audit-it.ru»¹³, справочных и аналитических материалов (Пластинина, 2022), статей в научных журналах (Переход и др., 2024).

Результаты анализа

Для показателя П1 регрессионная модель имеет следующий вид:

$$П1 = C + \lambda_1 \cdot КФ1_П1 + \lambda_2 \cdot КФ2_П1 + \lambda_3 \cdot КФ3_П1 + \lambda_4 \cdot КФ4_П1 + \lambda_5 \cdot \Phi17.$$

Результаты регрессионного анализа для показателя П1 представлены в табл. 3.

Таблица 3. Результаты регрессионного анализа для показателя П1

Константа	0,000
Цифровизация (КФ1_П1)	–0,885**
Разнообразие способов закупки (КФ2_П1)	–
Протекционизм (КФ3_П1)	–
Внешняя турбулентность (КФ4_П1)	–
Количество законов, в соответствии с которыми были внесены изменения в базовый закон в предыдущем году (Ф17)	–
R ²	0,742
R ² скорректированный	0,727
F-статистика	48,861
Значимость (F-статистика)	0,000

Примечание: ** – значимость на уровне 1%; «–» – не выявлено высокой и (или) значимой корреляции.

6. Показатели закупочной деятельности. <https://rosstat.gov.ru/folder/11191>
7. Индексы потребительских цен. <https://rosstat.gov.ru/statistics/price>
8. Мониторинг закупок. <https://minfin.gov.ru/ru/performance/contracts/purchases>
9. Статистика. <https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html>
10. Среднесрочный прогноз Банка России по итогам заседания Совета директоров по ключевой ставке 25.07.2025. https://cbr.ru/Content/Document/File/179982/forecast_250725.pdf
11. КонсультантПлюс. <https://www.consultant.ru>
12. Портал заказчика. <https://gisp.gov.ru/goszakaz/ru-RU?selectedFz=1>
13. Средневзвешенный курс валют. https://www.audit-it.ru/currency/sr_vz.php

Для показателя ПЗ регрессионная модель имеет следующий вид:

$$ПЗ = C + \lambda \cdot \Phi 18.$$

Результаты регрессионного анализа для показателя ПЗ представлены в табл. 4.

Таблица 4. Результаты регрессионного анализа для показателя ПЗ

Константа	0,000
Количество изменений, внесенных в базовый закон в предыдущем году (Ф18)	–0,604**
R ²	0,365
R ² скорректированный	0,328
F-статистика	9,779
Значимость (F-статистика)	0,006

Примечание: ** – значимость на уровне 1%; «–» – не выявлено высокой и (или) значимой корреляции.

Для показателя КП регрессионная модель имеет следующий вид:

$$КП = C + \lambda_1 \cdot П1 + \lambda_2 \cdot КФ1_КП + \lambda_3 \cdot КФ2_КП + \lambda_4 \cdot КФ3_КП + \lambda_5 \cdot КФ4_КП + \lambda_6 \cdot \Phi 17.$$

Результаты регрессионного анализа для показателя КП представлены в табл. 5.

Таблица 5. Результаты регрессионного анализа для показателя КП

Константа	0,000
Среднее количество заявок в расчете на 1 лот (П1)	0,449*
Цифровизация (КФ1_КП)	–
Разнообразие способов закупки (КФ2_КП)	–
Протекционизм (КФ3_КП)	–0,457*
Валютный курс (КФ4_КП)	–
Количество законов, в соответствии с которыми были внесены изменения в базовый закон в предыдущем году (Ф17)	–
R ²	0,745
R ² скорректированный	0,713
F-статистика	23,372
Значимость (F-статистика)	0,000

Примечание: * – значимость на уровне 5%; «–» – не выявлено высокой и (или) значимой корреляции.

Обсуждение результатов

В соответствии с полученными результатами регрессионного анализа:

- показатель П1 «Среднее количество заявок в расчете на 1 лот» отрицательно коррелирован с композитным фактором КФ1 «Цифровизация»;
- показатель П3 «Экономия бюджетных средств» отрицательно коррелирован с фактором Ф18 «Количество изменений, внесенных в базовый закон в предыдущем году»;
- композитный показатель КП «Контрактная дисциплина» положительно коррелирован с показателем П1 «Среднее количество заявок в расчете на 1 лот» и отрицательно — с композитным фактором КФ3 «Протекционизм».

Полученные результаты в целом соответствуют ожиданиям (первоначальной гипотезе).

Однако неожиданным, на первый взгляд, выглядит наличие отрицательной взаимосвязи показателя «Среднее количество заявок в расчете на 1 лот» с композитным фактором «Цифровизация». Это может быть обусловлено распространенной точкой зрения, что цифровизация КС направлена как раз на повышение прозрачности закупок, расширение возможностей доступа компаний в сегмент госзакупок и рост их конкурентности. Однако, как будет показано в гл. 4, цифровизация КС, с одной стороны, несет в себе значительный потенциал повышения ее эффективности, а с другой — создает новые барьеры и риски.

Также несколько неожиданным, на первый взгляд, выглядит отсутствие положительной взаимосвязи между показателями «Среднее количество заявок в расчете на 1 лот» и «Экономия бюджетных средств». В теории, как известно, более высокий уровень конкуренции за получение заказа должен приводить к большему снижению цены относительно НМЦК и, соответственно, к более высоким показателям экономии. В действительности же, как можно предположить, на динамику показателя экономии бюджетных средств влияние могли оказать внедрение антидемпинговых мер в закупочное законодательство (в рамках 44-ФЗ) и усиление регламентации расчета НМЦК соответствующим актом

Минэкономразвития России¹⁴: если до вступления в силу указанных мер некоторые заказчики были склонны завышать НМЦК, в том числе и для последующих отчетов о высокой экономии в результате торгов (Смирнов, 2006; Смотрицкая, 2014), то после возможности заказчиков в этом плане стали более ограниченными.

Отдельного внимания также заслуживает вопрос интерпретации выявленного отрицательного влияния протекционистских мер в КС на отдельные показатели ее внутренней эффективности — конкурентность закупок и контрактную дисциплину.

В отношении показателя конкурентности закупок такое влияние можно считать ожидаемым и достаточно очевидным: при наличии нормативно установленных запретов и ограничений на допуск иностранных товаров и преференций для российских товаров количество заявок на участие в закупках, особенно по тем товарным группам, где ранее была высока доля импорта, не могло не сократиться.

При этом отрицательное влияние протекционистских мер на показатель контрактной дисциплины можно считать опосредованным: чем ниже уровень конкуренции, тем у заказчика объективно меньше возможностей выбора более надежных и проверенных поставщиков (исполнителей, подрядчиков). Отдельно необходимо отметить, что вывод о негативном влиянии протекционистских мер на отдельные показатели внутренней эффективности КС не распространяется на оценку ее внешней (социально-экономической) эффективности и не опровергает тезис о целесообразности поддержки отечественной промышленности, в том числе через механизмы запретов, ограничений и преференций в рамках КС.

Заметим, что в результате регрессионного анализа была «отсеяна» часть факторов, признанных значимыми в соответствии с результатами корреляционного анализа. Основная причина такого «отсева» связана с проявлением мультиколлинеарности, т. е. наличием линейной зависимости между регрессорами (объясняющими факторами). Однако учитывая объективно разную природу выбранных объясняющих факторов, возникает обоснованное предположение о наличии в данном случае «ложной» корреляции между регрессорами (Корреляционный анализ, 2017).

14. Приказ Минэкономразвития России от 2 октября 2013 г. № 567.

Такое предположение возникает вследствие того, что начиная с 2014 г. развитие КС происходило в условиях «наложения» друг на друга (совпадения во времени) целого ряда значимых, но не взаимосвязанных между собой событий, включая смену базового закона (44-ФЗ вместо 94-ФЗ), начало санкционного давления на российскую экономику (2014 г.) и его значительное усиление (2022 г.), внедрение в КС протекционистских мер и их постепенное расширение (с 2015 г.), два «пика» цифровизации КС: в 2014 г. (вступление в силу 44-ФЗ) и в 2019 г. (вступление в силу 504-ФЗ). При этом, например, этапы внедрения и расширения протекционистских мер по времени совпадают с этапами наиболее радикальной цифровизации: 2014–2016 гг. и 2018–2020 гг. соответственно.

Для проверки гипотезы о наличии «ложной» корреляции между отдельными регрессорами в анализ были включены четыре наиболее очевидных скрытых фактора: СФ1 (Наличие действующего 44-ФЗ); СФ2 (Наличие действующего 504-ФЗ); СФ3 (Действие 1-го этапа зарубежных санкций); СФ4 (Действие 2-го этапа зарубежных санкций), и рассчитаны частные корреляции между регрессорами без учета влияния скрытых факторов (Корреляционный анализ, 2017).

Гипотеза о наличии «ложной» корреляции между отдельными регрессорами для показателя П1 подтвердилась частично. Несмотря на нейтрализацию возможного влияния скрытых факторов, подтверждается наличие достаточно высокой и значимой корреляции между регрессорами КФ1_П1 (Цифровизация) и КФ2_П1 (Разнообразие способов закупки) и между регрессорами КФ3_П1 (Протекционизм) и КФ4_П1 (Внешняя турбулентность).

Гипотеза о наличии «ложной» корреляции между отдельными регрессорами для показателя КП также подтвердилась частично. Несмотря на нейтрализацию возможного влияния скрытых факторов, подтверждается наличие достаточно высокой и значимой корреляции регрессора П1 (Конкурентность закупок) с регрессорами КФ1_КП (Цифровизация) и КФ2_КП (Разнообразие способов закупки), а также между регрессорами КФ1_КП (Цифровизация) и КФ2_КП (Разнообразие способов закупки), между регрессорами КФ2_КП (Разнообразие способов закупки) и Ф17 (Нестабильность регулирования) и между регрессорами КФ3_КП (Протекционизм) и КФ4_КП (Валютный курс).

При этом подтвержденные расчетом частных корреляций корреляционные зависимости могут быть интерпретированы следующим образом:

- отрицательная взаимосвязь цифровизации и разнообразия способов закупки может быть обусловлена тем, что в рамках первой происходит отказ от части используемых ранее способов закупки, в первую очередь «бумажных»;
- положительная взаимосвязь конкурентности закупок с разнообразием способов закупки может быть обоснована тем, что чем больше различных способов закупки предусмотрено законодательством, тем больше у заказчика возможностей выбрать такой из них, который наиболее адекватен специфике конкретной закупки, и тем самым обеспечить высокий интерес к участию в закупке со стороны потенциальных поставщиков (исполнителей, подрядчиков);
- отрицательная взаимосвязь разнообразия способов закупки и нестабильности регулирования может быть обусловлена тем, что начиная с 2019 г. значительная часть изменений законодательства была связана с цифровизацией КС и сокращением разнообразия разрешенных для использования заказчиками способов закупки, особенно «бумажных»;
- положительная взаимосвязь протекционизма и внешней турбулентности (включая колебания валютного курса) может быть обусловлена расширением начиная с 2014 г. протекционизма в качестве и «контрсанкций», и дополнительных мер поддержки отечественной промышленности в условиях ухудшения внешне- и макроэкономической обстановки.

ВНЕШНЯЯ (СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ) ЭФФЕКТИВНОСТЬ КС В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

Исследуемый показатель внешней эффективности

Исходя из результатов обзора существующих методологических подходов и с учетом доступности соответствующих эмпирических данных за рассматриваемый период, для проведения исследования был выбран такой показатель внешней эффективности КС, как мультипликатор госзакупок, т. е. коэффициент, отражающий увеличение объема ВВП в результате повышения объема госзакупок на единицу.

Предполагаемые факторы внешней эффективности

К предполагаемым факторам внешней эффективности КС, которые определяют величину генерируемых ей мультипликативных эффектов в экономике, в соответствии с исследовательской гипотезой и исходя из результатов обзора существующих работ для проведения исследования были добавлены рассмотренные выше 5 показателей (П1–П5) и 30 предполагаемых факторов (Ф1–Ф30) ее внутренней эффективности.

Кроме того, в соответствии с классическим подходом Дж. Кейнса и Р. Харрода (*Keynes*, 1936; *Harrod*, 1948) в исследование также были включены такие факторы, как предельная склонность к потреблению (MPC_{cons}) и предельная склонность к импорту (MPI_{imp}).

Методы и инструментарий анализа

Для оценки мультипликатора госзакупок и влияния на его величину выделенных факторов внешней эффективности были использованы методы корреляционного, факторного и регрессионного анализа.

На первом этапе автором был рассчитан мультипликатор госзакупок. На выбор вида мультипликатора и метода его оценки повлияли объективные ограничения, обусловленные особенностями доступных и использованных эмпирических данных: исследование проводилось на годовых данных за период с 2006 по 2024 г., т. е. на 19 точках. При этом расширение массива данных за счет использования квартальных или месячных показателей, как это достаточно часто делается в аналогичных зарубежных исследованиях, в нашем случае не представляется возможным, поскольку месячная статистика ни по ВВП, ни по объему закупок в России не публикуется, а квартальная статистика по объему закупок доступна лишь с 2018 г., т. е. не охватывает значительную часть рассматриваемого периода.

В связи с изложенным в данном исследовании оценивается мультипликатор воздействия, т. е. реакция зависимой переменной в году t на импульс (изменение независимой переменной) в году t , без учета временных лагов и кумулятивных эффектов (Чернявский, 2012).

При оценке мультипликатора государственных расходов регрессионным методом в соответствии с подходом, представленным в работе (Смотрицкая, Шувалов, 2025), годовой прирост ВВП рассматривается как линейная функция годового прироста совокупных государственных расходов с нулевой константой:

$$\Delta \text{GDP} = M \cdot \Delta \text{GovExp},$$

где: ΔGDP — годовой прирост ВВП; ΔGovExp — годовой прирост совокупных государственных расходов; M — коэффициент при регрессоре ΔGovExp , принимаемый равным мультипликатору государственных расходов.

Выбранный подход к расчету мультипликатора на сегодняшний день можно считать одним из наиболее простых, что, на первый взгляд, может показаться его недостатком, учитывая

наличие более сложных и современных способов, включая анализ производственной функции, регрессионные модели cross section (Чернявский, 2012), использование крупных макроэкономических моделей, моделей общего равновесия, в том числе динамических стохастических (DSGE), регрессионных моделей, основанных на векторных авторегрессиях (VAR) и их модификациях, на межотраслевом балансе и др. (Авдеева, 2018).

Однако, как было отмечено выше, специфика объекта исследования и уровень доступности детализированных эмпирических данных о динамике его функционирования делают применение указанных методов невозможным. Также следует отметить, что в научном сообществе до сих пор отсутствует консенсус относительно точности, корректности и предпочтительности тех или иных методов оценки мультипликаторов (Авдеева, 2018), а оценки одного и того же мультипликатора, полученные разными методами, различаются весьма значительно (Чернявский, 2012).

В этой связи, учитывая объективные ограничения, а также постановку задачи исследования (сравнительная оценка величины мультипликатора госзакупок с величинами мультипликаторов совокупных государственных расходов в целом и их отдельных компонентов), выбор указанного метода оценки мультипликатора представляется приемлемым, а методологическая сопоставимость расчета сравниваемых мультипликаторов — более значимым фактором, чем выбор конкретного метода оценки.

Совокупные государственные расходы в данной работе в соответствии с общепринятым подходом определены как сумма расходов на конечное потребление сектора государственного управления и бюджетных инвестиций в основной капитал (Biolsi, 2017; Смотрицкая, Шувалов, 2025).

Оценка мультипликатора совокупных государственных расходов представлена в других отечественных публикациях, в том числе в более ранней работе автора (Смотрицкая, Шувалов, 2025). В данном докладе основной объект исследования связан с оценкой мультипликатора той части совокупных государственных расходов, которая реализуется через КС, т. е. через размещение заказов и заключение контрактов (договоров) на поставки товаров, выполнение работ и оказание услуг для обеспечения государственных

и муниципальных нужд в рамках 44-ФЗ (до 2014 г. — в рамках 94-ФЗ), и его сравнением с мультипликаторами других компонентов совокупных государственных расходов. Заметим, что оценка и сравнение мультипликаторов госзакупок и других компонентов совокупных государственных расходов является достаточно распространенной практикой за рубежом, в том числе при планировании мер бюджетного и фискального стимулирования (Чернявский, 2012).

С учетом доступности сопоставимых (рассчитанных за весь рассматриваемый период по единой методологии) эмпирических данных в исследовании выделены три крупных компонента совокупных государственных расходов: госзакупки, субсидии на производство и прочие государственные расходы:

$$\text{GovExp} = \text{GovProc} + \text{Subs} + \text{OthExp},$$

где: GovExp — совокупные государственные расходы; GovProc — госзакупки; Subs — субсидии на производство; OthExp — прочие государственные расходы.

Субсидии на производство в соответствии с СНС–2008 — это государственные расходы на предоставление безвозмездных и безвозвратных трансфертов юридическим и иным лицам в связи с их участием в производстве и включают субсидии на продукты и другие субсидии на производство. Субсидии на продукты включают возмещение разницы в тарифах, недополученных доходов в связи с производством (реализацией) товаров, выполнением работ, оказанием услуг, а также субсидии на экспорт и импорт. Другие субсидии на производство — возмещение затрат на уплату процентов по кредитам, приобретение материальных запасов, оплату труда работников и других текущих затрат на производство (Левит, 2018).

Под прочими государственными расходами понимаются все остальные расходы за вычетом госзакупок и субсидий на производство. Значение данного показателя за рассматриваемый период получено автором расчетным путем.

Для оценки и сравнения мультипликаторов трех рассмотренных компонентов совокупных государственных расходов была построена и оценена линейная регрессионная модель следующего вида:

$$\Delta GDP = M_1 \cdot \Delta GovProc + M_2 \cdot \Delta Subs + M_3 \cdot \Delta OthExp,$$

где: ΔGDP — годовой прирост ВВП; $\Delta GovProc$ — годовой прирост объема госзакупок; $\Delta Subs$ — годовой прирост объема субсидий на производство; $\Delta OthExp$ — годовой прирост прочих государственных расходов; M_i — коэффициент при i -м регрессоре (компоненте совокупных государственных расходов), принимаемый равным мультипликатору соответствующего компонента совокупных государственных расходов, а именно: M_1 — мультипликатор государственных закупок; M_2 — мультипликатор субсидий на производство; M_3 — мультипликатор прочих компонентов государственных расходов.

Построенная регрессионная модель была протестирована на отсутствие автокорреляции остатков при помощи визуального анализа графика остатков.

На втором этапе для проверки гипотезы о наличии корреляции между значением мультипликатора госзакупок и выделенными факторами внешней эффективности были рассчитаны ежегодные значения данного мультипликатора и построена матрица парных корреляций.

Ежегодные значения мультипликатора госзакупок были рассчитаны как отношение годового прироста ВВП в соответствующем году к годовому приросту объема госзакупок:

$$MGDP_i = \Delta GDP_i \div \Delta PubProc_i,$$

где: $MGDP_i$ — мультипликатор госзакупок в году i ; ΔGDP_i — прирост ВВП в году i относительно года $i-1$; $\Delta PubProc_i$ — прирост объема госзакупок в году i относительно года $i-1$.

В соответствии с полученными результатами корреляционного анализа значение мультипликатора госзакупок не обнаружило корреляции с показателями внутренней эффективности КС и предельной склонности к потреблению и к импорту, однако обнаружило высокую и значимую отрицательную корреляцию с отдельными факторами внутренней эффективности, отражающими внешнюю турбулентность: действием второго этапа зарубежных санкций (Ф26), среднегодовым значением ключевой ставки (Ф27), среднегодовым курсом доллара и евро по отношению к рублю (Ф28 и Ф29).

На третьем этапе, принимая во внимание результаты корреляционного анализа и в рамках подготовки к регрессионному анализу, в том числе для снижения количества включаемых в модель регрессоров, в ходе проведения факторного анализа с применением МГК (Hotelling, 1933a, b; Наследов, 2011) с учетом того обстоятельства, что факторы Ф28 и Ф29 логически и статистически связаны, извлечен композитный фактор «Валютный курс» (КФ_MGDP), отражающий курс ведущих мировых валют (доллара и евро) к рублю.

Весовая функция для исходных факторов композитного показателя «Валютный курс» (КФ_MGDP) представлена в Прил. 2.

На четвертом этапе был проведен корреляционный анализ для оценки величины и значимости взаимосвязи между мультипликатором госзакупок и извлеченным композитным фактором. Значение коэффициента парной корреляции извлеченного композитного фактора КФ_MGDP и мультипликатора госзакупок $MGDP_i$ составило $-0,476$ (значимость на уровне 5%).

На заключительном этапе в целях выделения наиболее значимых факторов, влияющих на значение показателя внешней эффективности КС, с учетом полученных результатов корреляционного и факторного анализа была построена линейная регрессионная модель для мультипликатора госзакупок, имеющая следующий вид:

$$MGDP = C + \lambda_1 \cdot \Phi 26 + \lambda_2 \cdot \Phi 27 + \lambda_3 \cdot \text{КФ_MGDP}.$$

Данная модель была протестирована на отсутствие автокорреляции остатков при помощи теста Дарбина—Уотсона и визуального анализа графика остатков.

Эмпирическая база исследования

Значения годовых приростов ВВП, совокупных государственных расходов и субсидий на производство в 2007–2024 гг. рассчитаны на основе данных Росстата соответственно по годовым значениям ВВП¹⁵, годовым значениям расходов на конечное потребление сектора государственного управления¹⁶ и бюджетных инвестиций

15. Валовой внутренний продукт. <https://www.rosstat.gov.ru/statistics/accounts>

16. Исползованный ВВП. <https://www.rosstat.gov.ru/statistics/accounts>

в основной капитал¹⁷, годовым объемам субсидий на производство¹⁸ в 2006–2024 гг.

Значения годовых приростов госзакупок в 2007–2024 гг. — на основе данных Росстата¹⁹ (в период до 2014 г.) и ЕИС в сфере закупок²⁰ (с 2014 г.) по годовым объемам госзакупок в 2006–2024 гг.

Исходные данные, методика и результаты расчетов значений факторов предельной склонности к потреблению и к импорту за рассматриваемый период для российской экономики представлены в более ранней работе автора (*Смотрицкая, Шувалов, 2025*).

Эмпирическая база исследования в части значений показателей и факторов внутренней эффективности в период с 2006 по 2024 гг. описана в гл. 2.

Результаты анализа

Результаты оценки мультипликаторов для отдельных компонентов совокупных государственных расходов методом регрессионного анализа представлены в табл. 6.

Таблица 6. Результаты оценки мультипликаторов для отдельных компонентов совокупных государственных расходов методом регрессионного анализа

Константа	0,000
Годовой прирост объема госзакупок ($\Delta\text{GovProc}$)	4,317**
Годовой прирост объема субсидий на производство (ΔSubs)	6,061*
Годовой прирост прочих государственных расходов (ΔOthExp)	3,971**
R^2	0,790
R^2 скорректированный	0,748
F-статистика	18,853
Значимость (F-статистика)	0,000

Примечание: * — значимость на уровне 5%; ** — значимость на уровне 1%.

Результаты регрессионного анализа для выявления наиболее значимых факторов внешней эффективности КС представлены в табл. 7.

17. Инвестиции в основной капитал. https://www.rosstat.gov.ru/investment_nonfinancial

18. Консолидированные счета. <https://www.rosstat.gov.ru/statistics/accounts>

19. Показатели закупочной деятельности. <https://rosstat.gov.ru/folder/11191>

20. Статистика. <https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html>

Таблица 7. Результаты регрессионного анализа для выявления наиболее значимых факторов внешней эффективности КС

Константа	836,351
Действие 2-го этапа зарубежных санкций (Ф26)	—
Среднегодовая ключевая ставка (Ф27)	−93,175**
Валютный курс (КФ_MGDP)	−137,773*
R^2	0,583
R^2 скорректированный	0,527
F-статистика	10,481
Значимость (F-статистика)	0,001

Примечание: * — значимость на уровне 10%; ** — значимость на уровне 1%; «—» — не выявлено высокой и (или) значимой корреляции.

Обсуждение результатов

В соответствии с полученными результатами оценки мультипликаторов отдельных компонентов совокупных государственных расходов (см. табл. 6) значение рассчитанного в рамках представленного подхода мультипликатора госзакупок (4,32) в российской экономике в период 2007–2024 гг. уступает значению мультипликатора субсидий на производство (6,06), но превышает таковое мультипликатора прочих государственных расходов (3,97). Отметим также, что полученное значение мультипликатора госзакупок сопоставимо со значением мультипликатора совокупных государственных расходов, учитывающего все компоненты государственных расходов, которое за тот же период в российской экономике составило 4,39 (Смотрицкая, Шувалов, 2025).

Таким образом, с точки зрения генерации мультипликативных эффектов в российской экономике (влияния на объемы прироста ВВП) КС демонстрирует в течение рассматриваемого периода достаточно высокую эффективность: значение мультипликатора госзакупок сопоставимо со значением мультипликатора совокупных государственных расходов, хотя и уступает таковому мультипликатора субсидий на производство. При этом значение мультипликатора госзакупок превышает значение мультипликатора прочих государственных расходов (за вычетом госзакупок и субсидий на производство).

Результаты регрессионного анализа (см. табл. 7) подтверждают отрицательное влияние на значение мультипликатора госзакупок двух факторов — повышения ключевой ставки и ослабления рубля по отношению к ведущим мировым валютам (доллару и евро). При этом значимость второго этапа зарубежных санкций в качестве отдельного фактора, снижающего значение мультипликатора госзакупок, по результатам регрессионного анализа не подтверждается, что может быть связано с наличием тесной корреляции между данным фактором и динамикой курса рубля (наиболее значительное и продолжительное ослабление рубля в рамках рассматриваемого периода приходится как раз на время действия второго этапа санкционного давления, начавшегося в 2022 г.).

Высокая ключевая ставка оказывает негативное влияние на величину мультипликатора государственных расходов (и госзакупок как значимого их компонента) опосредованно, путем неблагоприятного воздействия на инвестиционную активность в экономике (Андреев, Полбин, 2018).

Ослабление национальной валюты оказывает негативное влияние на величину мультипликатора государственных расходов, как правило, вследствие развития у населения и бизнеса пессимистичных ожиданий и сокращения на этом фоне как конечного потребления, так и инвестиций (Онищенко и др., 2024). Однако, как показали результаты корреляционного и регрессионного анализа в рамках данного исследования, в российской экономике в течение рассматриваемого периода величина мультипликатора госзакупок не демонстрировала значимой взаимосвязи с величиной предельной склонности к потреблению, т. е. с потребительской активностью, из чего можно сделать вывод, что ослабление рубля негативно влияет на величину мультипликатора госзакупок прежде всего через снижение инвестиционной активности. Кроме того, на фоне слабеющей национальной валюты растут издержки бизнеса, связанные с приобретением импортных материалов, полуфабрикатов и комплектующих; в России данная проблема усугубляется высокой степенью зависимости от импорта многих отраслей отечественной промышленности (Симачев и др., 2023).

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ

Подводя итоги проведенного анализа, можно констатировать, что за исследуемый период с 2006 по 2024 гг. показатели внутренней эффективности российской КС не демонстрируют положительной динамики:

- показатели конкурентности закупок и контрактной дисциплины (доли исполненных контрактов) демонстрируют постепенное снижение на протяжении всего рассматриваемого периода, за исключением отдельных лет (в частности, 2020-го «ковидного» года);
- показатель доли состоявшихся закупок (по итогам которых заключен контракт) обнаруживает постепенное снижение на протяжении практически всего периода после вступления в силу 44-ФЗ;
- показатель экономии бюджетных средств не демонстрирует выраженной динамики на протяжении всего исследуемого периода.

Результаты проведенного эмпирического анализа позволяют выделить следующие факторы, которые в течение исследуемого периода оказывали влияние на динамику показателей внутренней эффективности КС в нашей стране.

1. На показатель конкурентности закупок (среднее количество заявок в расчете на 1 лот) негативное влияние оказывали такие факторы, как цифровизация КС (выражавшаяся, помимо прочего,

в сокращении разнообразия разрешенных и используемых способов закупки), внешняя турбулентность (санкционное давление, ослабление рубля) и введенные протекционистские меры в рамках КС, а также нестабильность регулирования.

2. Показатель доли состоявшихся закупок не коррелирован значимо ни с одним из факторов, учтенных в данной работе, однако согласно результатам другого исследования (*Тихомиров и др., 2022*) отрицательное влияние на этот показатель оказывает, в первую очередь, практика некорректного расчета (занижения) НМЦК, что, как правило, приводит к игнорированию таких закупок со стороны потенциальных участников закупок.

3. На показатель экономии бюджетных средств формально (статистически) негативное влияние оказали внедренные в течение рассматриваемого периода регламентация порядка расчета НМЦК и антидемпинговые меры. В действительности же более корректно говорить о том, что данные меры ограничили практику намеренного завышения НМЦК недобросовестными и (или) некомпетентными заказчиками и возможности победы в торгах ненадежных участников закупок.

4. На показатель контрактной дисциплины (доли исполненных контрактов в общем количестве и общей стоимости заключенных контрактов) прямое положительное влияние оказывала конкурентность закупок, прямое отрицательное — внешняя турбулентность (выражавшаяся, прежде всего, в ослаблении рубля) и наличие запретов и ограничений на закупки иностранной продукции. Кроме того, опосредованно, через влияние на конкурентность закупок, положительное воздействие на контрактную дисциплину оказывало разнообразие разрешенных и используемых способов закупки, отрицательное — цифровизация и нестабильность регулирования.

В соответствии с полученными результатами регрессионного анализа значение мультипликатора госзакупок в российской экономике за исследуемый период составляет 4,32 и сопоставимо со значением мультипликатора совокупных государственных расходов — 4,39. Значение данного мультипликатора уступает значению мультипликатора субсидий на производство — 6,06, но превышает таковое мультипликатора прочих государственных расходов — 3,97.

Наиболее значимыми факторами, негативно влияющими на величину мультипликатора госзакупок, согласно полученным результатам, являются повышение ключевой ставки и ослабление рубля по отношению к ведущим мировым валютам (доллару и евро).

Одним из самых неожиданных результатов исследования можно считать выявленную отрицательную зависимость между уровнем цифровизации КС и отдельными показателями эффективности ее функционирования. Это обусловлено тем обстоятельством, что многие отечественные и зарубежные регуляторы, эксперты и исследователи считают цифровизацию закупок одним из ключевых инструментов для повышения их прозрачности и эффективности (*Babica et al.*, 2019; *Bobowski, Gola*, 2017; *Brun et al.*, 2010; *Prier et al.*, 2018; *Цыганков, Наливайко*, 2018).

Однако исследователями и экспертами отмечаются и неоднозначные аспекты цифровизации КС, в том числе дополнительные издержки потенциальных участников в электронных закупках, а также нередко наблюдаемые технические сбои в функционировании ЕИС в сфере закупок и ЭТП (*Patrucco et al.*, 2020; *Асанбекова*, 2023; *Беленкова*, 2025).

Отдельного внимания в этом контексте требует и такой аспект, как разумная гибкость законодательства в части предоставления заказчикам возможности использования различных способов закупки, т. е. наличия выбора такого из них, который наиболее адекватен специфике конкретной закупки, что обеспечивает высокий интерес к участию в закупке со стороны потенциальных поставщиков (исполнителей, подрядчиков), обладающих необходимой квалификацией и способных обеспечить надлежащее исполнение контракта. Однако за исключением отдельных коротких периодов российское закупочное законодательство практически всегда начиная с 2006 г. тяготело к унификации и сокращению разрешенных способов закупки с креном в сторону аукциона. В рамках третьего этапа цифровизации (с 2018 г.) эта тенденция проявилась особенно сильно: количество предусмотренных 44-ФЗ способов закупки было сокращено до четырех с явным предпочтением электронного аукциона.

«Навязывание» же аукциона в качестве основного способа закупки, без учета отраслевой специфики и особенностей выполне-

ния работ (оказания услуг), приводит к развитию недобросовестной конкуренции и росту рисков неисполнения или срыва сроков исполнения контрактов. Отсутствие у заказчика возможности устанавливать квалификационные требования к участникам торгов приводит к расширению числа «профессиональных» игроков (посредников, перекупщиков), развитию недобросовестной конкуренции, постепенной утрате интереса к таким торгам со стороны квалифицированных и добросовестных участников закупок и в конечном итоге — к снижению контрактной дисциплины (Калиновский, Морозюк, 2014; Рыбалко, 2008).

В большинстве стран мира в качестве ключевых принципов функционирования и критериев эффективности КС провозглашаются эффективность с точки зрения оптимального соотношения цены и качества закупаемых товаров (работ, услуг), открытость, прозрачность, конкурентность и отсутствие дискриминации, однако на практике обеспечить одновременное и автоматическое выполнение указанных принципов и критериев, как правило, невозможно, и наиболее эффективные КС обычно представляют собой результат поиска оптимального компромисса между предотвращением коррупции и разумной гибкостью, предоставлением заказчикам определенной степени свободы, позволяющей им эффективно использовать свои знания и опыт (Rose-Ackerman, 1999; Яковлев и др., 2020).

В связи с изложенным представляется актуальной разработка по результатам комплексного экспертного обсуждения стратегии институциональной трансформации КС, основанной на принципах оптимального баланса законных интересов всех ее участников, включая заказчиков. В рамках разработки такой стратегии представляется целесообразным провести экспертное обсуждение ряда аспектов совершенствования институционального обеспечения КС. В их число входят:

- 1) диверсификация регулирования отдельных сегментов КС с учетом их институциональных особенностей, экономической и технологической специфики секторов экономики и (или) целевых продуктовых групп, т. е. установление общих и единых принципов закупок при обеспечении возможности вариативности закупочных процедур, критериев оценки участников закупок и процедур ценообразования для каждого из выделенных сегментов.

Принципы и критерии сегментации КС и диверсификации регулирования, как показывает зарубежный опыт, не являются универсальными и, как правило, учитывают специфику национальных экономик и систем государственного управления (Рубвальтер, Шувалов, 2011), а потому должны являться предметом экспертного обсуждения;

2) оптимизация соотношения ценовых и неценовых критериев оценки заявок (предложений) участников закупок, в том числе в контексте диверсификации регулирования.

Стандартизация закупочных процедур с уклоном в сторону аукциона и исключительно ценовых критериев оценки, как было показано выше, негативно сказывается на эффективности КС, и, как справедливо подчеркивают некоторые исследователи, достижение экономии бюджетных средств в ущерб качеству закупаемой продукции в принципе не может рассматриваться в качестве цели и показателя эффективности функционирования КС (Мельников, 2022). Заметим, что в США, ЕС и Китае предлагаемая цена контракта является значимым критерием оценки, но в большинстве случаев не единственным (Рубвальтер, Шувалов, 2011);

3) совершенствование нормативной модели контракта и диверсификация типологии контрактов в контексте изменения регулирования отдельных сегментов КС и с учетом возможности адаптации условий контракта к изменяющимся внешним условиям (включая изменение тарифов, рыночных цен на сырье и материалы и пр.).

В настоящее время в нашей стране действует, не считая отдельных отступлений, единая нормативная модель государственного контракта на основе фиксированной цены, которая исключает возможность рыночного поведения для государственных заказчиков (Институт общественных закупок, 2016). В США же, например, в зависимости от специфики объекта закупки и длительности периода исполнения контракта предусмотрена возможность заключения контрактов как с фиксированной ценой, так и на основе возмещения обоснованных и подтвержденных затрат, а также других типов контрактов, в том числе с формулой цены (Рубвальтер, Шувалов, 2011);

4) модернизация концептов и практики ценообразования в рамках КС.

Одной из ключевых проблем современной российской КС ряд исследователей и экспертов считают заложенный в нее

принцип ценообразования на основе НМЦК, устанавливаемой заказчиком по итогам формальной административной процедуры и публикуемой в составе документации о закупке, что приводит к искажению рыночной информации и последующим отчетам об «экономии» бюджетных средств в результате проведения торгов. При этом в реальности НМЦК на стандартную продукцию нередко изначально завышена относительно рыночных цен на 30–40% (*Смотрицкая и др.*, 2017), а по практически идентичным цифровым решениям (программно-аппаратным комплексам) НМЦК, установленные разными заказчиками, а также фактические цены заключенных контрактов, могут отличаться более чем в 9 раз (*Двинских и др.*, 2019).

Ни в одной стране с рыночной экономикой НМЦК или ее аналоги в КС не применяются. Отказ от института НМЦК представляется целесообразным и в нашей стране. При этом показатель экономии бюджетных средств по результатам проведения торгов представляется более корректным и объективным рассчитывать исходя из сравнения фактических цен заключенных контрактов с рыночными ценами на соответствующие товары, работы и услуги, актуальными на период проведения закупки, а не с НМЦК (*Иванова*, 2010);

5) предусмотренное действующим российским законодательством требование о внесении победителем торгов денежных средств или предоставления банковской гарантии в качестве обеспечения исполнения контракта. В данном исследовании влияние указанного фактора на показатели эффективности КС эмпирически не оценивалось в силу отсутствия в открытом доступе необходимого массива информации. Однако очевидно, что наличие такого требования ограничивает возможности участия в закупках многих предприятий отечественной промышленности, обладающих квалифицированными кадрами и производственными мощностями, но испытывающих временный дефицит оборотных средств.

В связи с этим предлагается рассмотреть возможность отмены требования о внесении обеспечения (предоставления банковской гарантии) для российских юридических лиц, находящихся в государственной собственности и (или) при условии отсутствия участия в их уставном капитале иностранных юридических и физических лиц;

6) совершенствование подходов к оценке эффективности КС.

В настоящее время в России отсутствует единый подход к оценке эффективности КС, ее региональных подсистем, отдельных заказчиков. Различные критерии и показатели эффективности установлены соответствующими нормативными актами федеральных ведомств и субъектов Федерации, что не позволяет проводить объективную сравнительную оценку эффективности деятельности разных заказчиков.

Представляется актуальным формирование единой «системы координат» и новых показателей оценки эффективности функционирования КС и ее региональных подсистем, обеспечивающих объективную и всестороннюю оценку их функционирования и вклада в социально-экономическое развитие страны и отдельных регионов, а также совершенствование методологических подходов к оценке деятельности отдельных заказчиков, предполагающее разработку и внедрение двух блоков показателей оценки эффективности их деятельности — базового (единого для всех заказчиков) и дополнительного (отражающего ведомственную, отраслевую или иную специфику).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современной смешанной экономике контрактная система закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд является одним из важнейших институтов государственного управления, который не только удовлетворяет текущие общественные потребности, но и влияет на достижение стратегических целей социально-экономического развития. При этом в экономиках со значительным государственным сектором как значимость, так и возможности КС в качестве института государственного управления и механизма государственного регулирования существенно возрастают (Шувалов, 2021).

Актуальность исследований в области эффективности КС определяется тем, что к настоящему времени в российском обществе достигнут консенсус относительно признания недостаточной эффективности существующей КС, однако он же относительно причин и факторов, снижающих ее эффективность, а также целей, направлений и механизмов ее институциональной трансформации отсутствует, о чем свидетельствуют постоянно возникающие диаметрально противоположные мнения и предложения представителей регуляторов и экспертного сообщества.

Обзор зарубежных нормативных документов и публикаций позволяет говорить о том, что комплексный подход к анализу эффективности КС предполагает оценку не только показателей, характеризующих ее внутреннюю эффективность, включая открытость, прозрачность, конкурентность, экономичность, но и внешних

эффектов ее функционирования, вклада в достижение приоритетных целей социально-экономической политики, включая стимулирование экономического роста, развития МСП и инновационной экономики, содействие решению задач по защите окружающей среды и переходу к модели устойчивого развития.

Результаты проведенного исследования позволяют подтвердить распространенный тезис, что государственные закупки товаров, работ и услуг, реализуемые через институт КС, генерируют мультипликативные эффекты в российской экономике и способствуют экономическому росту, а также гипотезу о том, что на эффективность функционирования КС в российской экономике оказывает влияние ряд факторов, как внешних по отношению к самой КС, так и внутренних, включая регуляторные.

Итоги проведенной работы также позволяют сделать вывод о том, что совершенствование технологической основы функционирования КС, в том числе ее цифровизация, не способно в полной мере компенсировать институциональные провалы, вызванные прежде всего несовершенством регулирования.

Перспективным направлением дальнейших исследований эффективности функционирования КС в российской экономике является разработка методологических подходов для сравнительной оценки региональных контрактных систем и вклада КС в решение задач развития МСП и инновационной экономики, защиты окружающей среды и перехода к модели устойчивого развития и проведение на их основе объективных эмпирических измерений.

ЛИТЕРАТУРА

- Авдеева Д. (2018). Методология прогнозирования краткосрочной динамики ВВП при помощи VAR-модели. Центр развития НИУ ВШЭ. <https://clck.ru/3T3DTH>
- Андреев М.Ю., Полбин А.В. (2018). Влияние фискальной политики на макроэкономические показатели в DSGE-моделях // Финансовый журнал. № 3. С. 21–33.
- Архиреев А.В. (2023). Генезис понятия эффективности. Структура, состояние, оценка // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. Т. 12. № 10А. С. 36–49.
- Асанбекова Э.Р. (2023). Влияние цифровизации на процесс государственных закупок: перспективы и проблемы // Бизнес и общество. № 3 (39). С. 1–5. https://business-society.ru/2023/3-39-2/71_asanbekova.pdf
- Беленкова М.А. (2025). Цифровизация закупок: современные тенденции и проблемы // Вестник науки. № 1 (82). Т. 2. С. 684–693.
- Горохова Д.В. (2020). Государственные закупки в РФ: ретроспектива и развитие // Финансовый журнал. Т. 12. № 12. С. 57–68.
- Двинских Д.Ю. и др. (2019). Цифровая трансформация государственного управления: мифы и реальность. Доклад НИУ ВШЭ. М.: НИУ ВШЭ.
- Детев Г.В. и др. (2017). Управленческие механизмы и юридические средства обеспечения эффективности государственных закупок. М.: МГУУ Правительства Москвы.
- Жигас М.Г., Лаврова А.А., Свердлина Е.Б. (2024). Методика анализа эффективности государственных закупок // Управленческий учет. № 4. С. 81–91.
- Иванова О.В. (2010). Методика комплексной оценки эффективности государственных закупок Орловской области // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. № 2-2. С. 183–192.
- Институт общественных закупок в современной российской экономике (2016). Монография / Под ред. И.И. Смотрицкой, С.И. Черных. М.
- Калиновский В.А., Морозюк Ю.В. (2014). Анализ негативного влияния открытых аукционов в электронной форме на бизнес-процессы в строительстве // Управленческое консультирование. № 10. С. 68–74.
- Климанова Т.В. (2023). Научно-практические подходы к оценке эффективности системы управления государственными закупками на федеральном уровне // Экономика, предпринимательство и право. Т. 13. № 10. С. 4371–4382.
- Корреляционный анализ (2017). Тема 6. М.: НАФИ. https://nafi.ru/upload/spss/Lecture_6.pdf

- Краснова О.Н. (2021). Электронизация закупок в России: результаты внедрения и барьеры в развитии // Правовая парадигма. Т. 20. № 4. С. 58–62.
- Кремповая Н.А. (2017). Оценка эффективности закупок в контрактной системе // Научный вестник: Финансы, банки, инвестиции. № 4. С. 108–112.
- Левит С.Р. (2018). Значение изменения показателей бюджетной, бухгалтерской (финансовой) отчетности в части КОСГУ для обеспечения соответствия Системы национальных счетов РФ требованиям методологии СНС-2008. М.: Министерство финансов Российской Федерации. <https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2018/01/main/Levit.pdf>
- Мельников В.В. (2022). Эффективность госзакупок и роль конкуренции // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). Т. 14. № 3. С. 119–131.
- Наследов А.Д. (2011). SPSS 19: профессиональный статистический анализ данных. СПб.: Питер.
- Онищенко Е.А., Ржещицкая Е.И., Цыкин Г.С. (2024). Роль финансовых мультипликаторов в контексте санкционной экономики // Вестник Алтайской академии экономики и права. № 12. С. 282–290.
- Переход С.А., Мхитарян А.В., Селифонкина Д.С. (2024). Международные санкции против России (2014–2024 гг.): оценка и последствия для финансового рынка // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 4. С. 116–138.
- Пластинина Е.А. (2022). Национальный режим в сфере закупок. Квотирование российских товаров. Публикация ЭТП «РТС-тендер». <https://clck.ru/3Stpin>
- Подосинников Е.Ю., Мутылина К.О., Михалева О.В. (2017). Эффективность функционирования контрактной системы в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд: правовое регулирование и подходы к оценке // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. № 1 (19). С. 277–286.
- Пономарев А.А. (2023). Управление системой государственных закупок на основе совершенствования бизнес-процессов: Дис. ... канд. экон. наук. Екатеринбург: УрГЭУ.
- Рубвальтер Д.А., Шувалов С.С. (2011). Проблемы формирования и реализации государственного заказа и внедрения федеральной контрактной системы в научно-инновационной сфере // Информационно-аналитический бюллетень ЦИСН. № 4. С. 3–92.
- Рыбалко Е.Ю. (2008). Аукционы в системе госзакупок: «за» и «против» // ЭКО. № 12. С. 57–68.

- Саламатова А.А., Мельников В.В. (2021). Разработка методов оценки эффективности закупочной деятельности контрактной службы бюджетного учреждения // Научные записки НГУЭУ. Вып. 3. С. 36–38.
- Симачев Ю.В. и др. (2023). Адаптация российских промышленных компаний к санкциям: первые шаги и ожидания. Доклад НИУ ВШЭ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Смирнов В.И. (2006). Комментарий к Федеральному закону «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ. М.: ГУ ИМЭИ.
- Смотрицкая И.И. (2011). Модернизация государственных закупок: новый взгляд на развитие системы // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. № 2. С. 33–45.
- Смотрицкая И.И. (2014). Макроэкономические подходы к оценке интегральной эффективности системы государственных закупок // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. № 5. С. 70–79.
- Смотрицкая И.И., Анчишкина О.В., Черных С.И. (2017). Проблемы и стратегические задачи развития института общественных закупок // Проблемы прогнозирования. № 5 (164). С. 70–78.
- Смотрицкая И.И., Сагинова О.В., Шарова И.В. (2016). Институт малого и среднего предпринимательства в сфере общественных закупок // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 1. С. 92–103.
- Смотрицкая И.И., Шувалов С.С. (2024). Контрактный институт публичных закупок: современный вектор развития // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. № 6. С. 7–21.
- Смотрицкая И.И., Шувалов С.С. (2025). Оценка мультипликативного эффекта государственных расходов: методический подход и эмпирический анализ // Управление. Т. 16. № 5. С. 2–17.
- Тихомиров П. и др. (2022). Анализ высокой доли несостоявшихся конкурентных процедур (торгов) в контрактной системе. Аналитическая записка. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. <https://ach.gov.ru/upload/iblock/e8b/xj0atj1uwnz6qfyg74e1bju7vtuu0896.pdf>
- Трофимовская А.В., Вершинина А.А. (2022). Качественные показатели эффективности закупок в механизме антимонопольного комплаенса // Современная конкуренция. Т. 16. № 3. С. 30–39.
- Цыганков С.С., Наливайко С.В. (2018). Институционализация механизма электронных публичных закупок в России // Juvenis scientia. № 8. С. 13–17.

- Чернявский А.В. (2012). Фискальные мультипликаторы. Центр развития НИУ ВШЭ. <https://www.hse.ru/data/2012/05/31/1252355552/22.pdf>
- Шувалов С.С. (2014). Институциональные принципы государственных закупок инновационной продукции // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 5. С. 60–69.
- Шувалов С.С. (2021). Публичные закупки как механизм государственного регулирования: новый этап трансформации // Менеджмент и бизнес-администрирование. № 3. С. 50–65.
- Шувалов С.С. (2023). Тенденции реформирования контрактной системы закупок в российской экономике: правовые аспекты и эмпирические данные // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. № 4. С. 132–155.
- Яковлев и др. (2020). Проблемы и эффективность госзакупок глазами их участников // ЭКО. № 11. С. 83–103.
- Babica V., Sceulovs D., Rustenova E. (2019). Digitalization of public procurement: barriers for innovation // Proceedings of The 23rd World Multi-Conference on Systemics, Cybernetics and Informatics (WMSCI 2019). Pp. 7–12.
- Balaeva O. et al. (2021). Public procurement efficiency as perceived by market participants: the case of Russia. Basic Research Program Working Paper WP BRP 29/PSP/2021. Moscow: HSE.
- Biolsi C. (2017). Nonlinear effects of fiscal policy over the business cycle // Journal of Economic Dynamics and Control. Vol. 78. Pp. 54–87.
- Bobowski S., Gola J. (2017). E-Procurement in the European Union // Asia-Pacific Journal of EU Studies. No. 17 (1). Pp. 23–35.
- Brun A., Ronchi S., Fan X. (2010). What is the Value of an IT E-Procurement System? // Journal of Purchasing and Supply Management. No. 16. Pp. 131–140.
- Cebekhulu B., Ozor P., Mbohwa Ch. (2023). An Empirical Evaluation of Factors That Affect Efficiency in Public Procurement // Proceedings of the 13th International Conference on Industrial Engineering and Operations Management (IEOM), Manila, Philippines, March 7–9.
- Dekel O. (2008). The Legal Theory of Competitive Bidding for Government Contracts // Public Contract Law Journal. Vol. 37 (2). Pp. 237–267.
- Galvez-Rodriguez et al. (2024). Worldwide Trends in Public Procurement Efficiency Studies Under the Lens of Award Criteria // SAGE Open. October-December. Pp. 1–19.
- Harrod R. (1948). Towards a Dynamic Economics. New York: St. Martin's Press.

- Hotelling H.* (1933a). Analysis of a Complex of Statistical Variables into Principal Components // *Journal of Educational Psychology*. Vol. 24. No. 6. Pp. 417–441.
- Hotelling H.* (1933b). Analysis of a Complex of Statistical Variables into Principal Components // *Journal of Educational Psychology*. Vol. 24. No. 7. Pp. 498–520.
- Keynes J.* (1936). *The General Theory of Employment, Interest and Money*. London: Palgrave Macmillan.
- Kumar A., Nair A., Piecha J.* (2015). Measuring Efficiency in International Public Procurement // *Journal of Public Procurement*. Vol. 15. Issue 3. Pp. 365–389.
- OECD (2025). *Government at a Glance 2025*. Paris: OECD Publishing. 246 p.
- Okinyi T., Muturi W.* (2016). Factors affecting efficiency of procurement in public institutions: a case of public entities in Homabay county // *International Journal of Social Sciences and Information Technology*. Vol. 2. Issue 2. Pp. 1–14.
- Patrucco A., Agasisti T., Glas A.* (2020). Structuring Public Procurement in Local Governments: The Effect of Centralization, Standardization and Digitalization on Performance // *Public Performance & Management Review*. No. 44 (5). Pp. 1–27.
- Prier E., Prysmakova P., McCue P.* (2018). Analyzing the European Union's Tenders Electronic Daily: Possibilities and Pitfalls // *International Journal of Procurement Management*. No. 11 (6). Pp. 722–747.
- Rogulenko T. et al.* (2023). Methodological Support of the Estimated Efficiency of Public Procurement on a Contractual Basis // *Finance: Theory and Practice*. Vol. 27. Issue 5. Pp. 18–29.
- Rose-Ackerman S.* (1999). *Corruption and government: Causes, consequences, and reform*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Talpig C.* (2024). The efficiency of the public procurement system and its implications on public budgets // *Journal of Public Administration, Finance and Law*. Issue 31. Pp. 450–462.
- Tatrai T., Vorosmarty G., Juhasz P.* (2024). Intensifying Competition in Public Procurement // *Public Organization Review*. Vol. 24. Pp. 237–257.

ТЕЗАУРУС

94-ФЗ	– Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд»
44-ФЗ	– Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»
504-ФЗ	– Федеральный закон от 31 декабря 2017 г. № 504-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»
ВВП	– валовой внутренний продукт
Госзакупки (закупки)	– закупки товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд
ГИСП	– Государственная информационная система промышленности
ЕАТ	– Единый агрегатор торговли
ЕИС	– единая информационная система
ЕРУЗ	– Единый реестр участников закупок
ЖНВЛП	– Перечень жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов, утверждаемый распоряжением Правительства РФ
ИПЦ	– индекс потребительских цен
Контрактная система (КС)	– контрактная система закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд
МГК	– метод главных компонент

МСП	– малые и средние предприятия; малое и среднее предпринимательство
НМЦК	– начальная (максимальная) цена контракта (цена лота)
ОЭСР	– Организация экономического сотрудничества и развития
СНС–2008	– Система национальных счетов 2008 г.
СВО	– Специальная военная операция
СОНКО	– социально-ориентированные некоммерческие организации
СПИК	– специальный инвестиционный контракт
УКЭП	– усиленная квалифицированная электронная подпись
ЭТП	– электронная торговая площадка
ЭЦП	– электронная цифровая подпись

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ПЕРЕЧЕНЬ ИСХОДНЫХ ФАКТОРОВ ЭФФЕКТИВНОСТИ КС

№ п/п	Блок факторов	Факторы
1	Цифровизация	Обязательность размещения всеми заказчиками информации о закупках на едином электронном портале ^а (Ф1)
		Наличие функционирующей ЕИС в сфере закупок (Ф2)
		Количество ЭТП, отобранных для проведения закупок ^б (Ф3)
		Обязательность использования ЭЦП (Ф4)
		Доля закупок в электронной форме в общем количестве проведенных закупок (Ф5)
		Доля контрактов, заключенных по итогам закупок в электронной форме, в общем количестве заключенных контрактов (Ф6)
		Доля контрактов, заключенных по итогам закупок в электронной форме, в общей стоимости заключенных контрактов (Ф7)
2	Разнообразие способов закупки	Количество разрешенных ^в и используемых способов закупки (Ф8)
		Доля неаукционных способов закупки в общем количестве извещений (Ф9)
		Доля неаукционных способов закупки в общей стоимости извещений (Ф10)
		Доля контрактов, заключенных по итогам неаукционных способов закупки, в общем количестве заключенных контрактов (Ф11)
		Доля контрактов, заключенных по итогам неаукционных способов закупки, в общей стоимости заключенных контрактов (Ф12)
3	Распространение электронных аукционов	Доля электронных аукционов в общем количестве извещений (Ф13)
		Доля электронных аукционов в общей стоимости извещений (Ф14)
		Доля контрактов, заключенных по итогам электронных аукционов, в общем количестве заключенных контрактов (Ф15)
		Доля контрактов, заключенных по итогам электронных аукционов, в общей стоимости заключенных контрактов (Ф16)
4	Нестабильность регулирования	Количество законов, в соответствии с которыми были внесены изменения в базовый закон ^г в предыдущем году (Ф17)
		Количество изменений, внесенных в базовый закон в предыдущем году ^а (Ф18)
5	Поддержка МСП и СОНКО	Суммарная стоимость контрактов, заключенных с МСП и СОНКО (Ф19)
		Доля контрактов, заключенных с МСП и СОНКО, в общей стоимости заключенных контрактов (Ф20)

№ п/п	Блок факторов	Факторы
6	Протекционизм	Наличие запретов на закупку отдельных видов иностранной продукции (Ф21)
		Наличие ограничений на закупку иностранной продукции при наличии российских аналогов (Ф22)
		Наличие преференций для российских производителей (Ф23)
		Наличие квот для российских производителей ^е (Ф24)
7	Внешняя турбулентность	Действие 1-го этапа зарубежных санкций ^ж (Ф25)
		Действие 2-го этапа зарубежных санкций ^з (Ф26)
		Среднегодовая ключевая ставка (Ф27)
		Среднегодовой курс доллара к рублю (Ф28)
		Среднегодовой курс евро к рублю (Ф29)
		Инфляция (ИПЦ на товары и услуги) (Ф30)

^а В период до 2016 г. — портал закупок, с 2016 г. — ЕИС в сфере закупок.

^б Количество ЭТП, отобранных для проведения закупок соответствующими актами Правительства РФ.

^в Предусмотренных законодательством, действовавшим в соответствующем году.

^г В период до 2014 г. — 94-ФЗ, с 2014 г. — 44-ФЗ.

^а Количество абзацев базового закона, затронутых внесенными изменениями.

^е Минимальной доли закупок у российских производителей.

^ж Введенных в период с 2014 по 2021 гг.

^з Введенных в период с 2022 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ОПИСАНИЕ КОМПОЗИТНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ (ФАКТОРОВ) ЭФФЕКТИВНОСТИ КС И ВЕСОВЫЕ ФУНКЦИИ ВХОДЯЩИХ В НИХ ИСХОДНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ (ФАКТОРОВ)

№ п/п	Композитный показатель (фактор)	Исходные показатели (факторы)	Удельный вес, %
1	Контрактная дисциплина (КП)	Доля исполненных контрактов в общем количестве заключенных контрактов (П4)	50,00
		Доля исполненных контрактов в общей стоимости заключенных контрактов (П5)	50,00
2	Цифровизация (КФ1_П1)	Доля электронных аукционов в общей стоимости извещений (Ф14)	21,21
		Обязательность размещения всеми заказчиками информации о закупках на едином электронном портале (Ф1)	20,84
		Количество ЭТП, отобранных для проведения закупок (Ф3)	20,20
		Доля электронных аукционов в общем количестве извещений (Ф13)	19,29
		Наличие функционирующей ЕИС в сфере закупок (Ф2)	18,46
3	Разнообразие способов закупки (КФ2_П1)	Доля неаукционных способов закупки в общем количестве извещений (Ф9)	50,00
		Доля неаукционных способов закупки в общей стоимости извещений (Ф10)	50,00
4	Протекционизм (КФ3_П1)	Наличие запретов на закупку отдельных видов иностранной продукции (Ф21)	34,67
		Наличие ограничений на закупку иностранной продукции при наличии российских аналогов (Ф22)	34,67
		Наличие преференций для российских производителей (Ф23)	30,66
5	Внешняя турбулентность (КФ4_П1)	Среднегодовой курс евро к рублю (Ф29)	37,47
		Среднегодовой курс доллара к рублю (Ф28)	37,16
		Действие 1-го этапа зарубежных санкций (Ф25)	25,37

№ п/п	Композитный показатель (фактор)	Исходные показатели (факторы)	Удельный вес, %
6	Цифровизация (КФ1_КП)	Доля закупок в электронной форме в общем количестве проведенных закупок (Ф5)	11,48
		Доля контрактов, заключенных по итогам закупок в электронной форме, в общей стоимости заключенных контрактов (Ф7)	11,48
		Доля электронных аукционов в общей стоимости извещений (Ф14)	11,48
		Доля контрактов, заключенных по итогам закупок в электронной форме, в общем количестве заключенных контрактов (Ф6)	11,30
		Доля контрактов, заключенных по итогам электронных аукционов, в общей стоимости заключенных контрактов (Ф16)	11,20
		Количество ЭТП, отобранных для проведения закупок (Ф3)	11,11
		Наличие функционирующей ЕИС в сфере закупок (Ф2)	11,02
		Доля контрактов, заключенных по итогам электронных аукционов, в общем количестве заключенных контрактов (Ф15)	10,84
		Обязательность размещения всеми заказчиками информации о закупках на едином электронном портале (Ф1)	10,09
7	Разнообразие способов закупки (КФ2_КП)	Доля неаукционных способов закупки в общей стоимости извещений (Ф10)	34,38
		Доля контрактов, заключенных по итогам неаукционных способов закупки в общей стоимости заключенных контрактов (Ф12)	33,43
		Доля контрактов, заключенных по итогам неаукционных способов закупки в общем количестве заключенных контрактов (Ф11)	32,19
8	Протекционизм (КФ3_КП)	Наличие запретов на закупку отдельных видов иностранной продукции (Ф21)	50,00
		Наличие ограничений на закупку иностранной продукции при наличии российских аналогов (Ф22)	50,00
9	Валютный курс (КФ4_КП)	Среднегодовой курс доллара к рублю (Ф28)	50,00
		Среднегодовой курс евро к рублю (Ф29)	50,00
10	Валютный курс (КФ_МГDP)	Среднегодовой курс доллара к рублю (Ф28)	50,00
		Среднегодовой курс евро к рублю (Ф29)	50,00

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

сайт: www.inecon.ru

Научный доклад

С.С. Шувалов

ЭФФЕКТИВНОСТЬ КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЫ
В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ

Оригинал-макет — Валериус В.Е.

Редактор — Ерзнкян М.Д.

Компьютерная верстка — Хацко Н.А.

Подписано в печать 16.07.2026 г.

Заказ № 6. Тираж 300. Объем 3,0 уч. изд. л.

Отпечатано в ИЭ РАН

ISBN 978-5-9940-0810-2

9 785994 008102 >